

На правах рукописи

СЛЯДЗЬ Андрей Николаевич

**Военно-политические проблемы отношений
Византии и Руси XI – начала XII веков**

Раздел: 07.00.00 – Исторические науки

Специальность: 07.00.03 – Всеобщая история (история средних веков)

Автореферат диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Санкт-Петербург – 2016

Работа выполнена на кафедре истории средних веков Института истории Федерального бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет».

Научный руководитель:

Лебедева Галина Евгеньевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории средних веков Института истории Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет».

Официальные оппоненты:

Бибиков Михаил Вадимович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заместитель директора Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт всеобщей истории Российской академии наук».

Пиотровская Елена Константиновна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник группы источниковедения Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук».

Ведущая организация:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский государственный университет».

Защита состоится «15» марта 2017 г. в _____ часов на заседании Диссертационного совета Д 212.232.71 при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 199034 Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5, ауд. 70.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке СПбГУ (по адресу: 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д.7/9) и на сайте:

<https://disser.spbu.ru/disser/soiskatelyu-uchjonoj-stepeni/dis-list/details/14/.html>

Автореферат разослан «___» февраля 2017 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук, доцент

Шишкин В.В.

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

На рубеже X – XI столетий усилиями Владимира Святого и, в особенности, его сына Мстислава сложился удел Руси в Тмутаракани (или, как называли ее византийцы, Матарха, Таматарха), занимавший территорию Таманского полуострова. Как только византийские владения в Крыму с центром в Херсоне (Херсонесе) сомкнулись с военно-торговой факторией Руси в Приазовье (Прикубанье), тогда возникла особая контактная зона – русско-византийское военное пограничье.

Актуальность исследования заключается в том, что изучение контактной зоны в Приазовье и Крыму способствует выявлению характера связей Византии и Руси в первое столетие после ее крещения. Данное обстоятельство вызывает необходимость формирования целостного взгляда на византийско-русские военно-политические отношения, рассмотрение которых происходит не изолированно, а в широком международном контексте и неразрывно от внутренней жизни обеих стран.

Подобный подход позволяет не только глубже понять историю Руси и Византии в переломную для них эпоху, но и яснее представить степень отражения этой эпохи на перипетиях византийско-русских отношений. Таким образом, лишь комплексный анализ военно-политических контактов Византии и Руси может привести к более глубокому осмыслению событий и явлений, имевших место среди участников «Византийского содружества». Отметим также и то, что, будучи давнишней «вотчиной» российского византиноведения, русско-византийские связи как будто исхожены «вдоль и поперек». Однако данный взгляд, если и справедлив, то лишь отчасти и только для периода IX – X столетий.

Научная новизна диссертации определяется тем, что в ней впервые представлена цельная картина военно-политического взаимодействия Византии и Руси в Крыму и Приазовье в XI – начале XII веков, показана сущность этого взаимодействия.

Объектом исследования являются военно-политические связи Византии и Руси с начала XI до начала XII веков. В качестве **предмета исследования** выступает Крым и Приазовье как регион взаимодействия Руси и Византии, которое стало последней фазой их активных военно-политических контактов.

Хронологические рамки исследования охватывают столетие: с 1016 по 1116 год, т.е. от восстания в Крыму Георгия Цуло до авантюры Лжедиогена в Подунавье.

Характер изученности проблемы обусловлен тем, что эпизоды военно-политических контактов с Византией, несмотря на их большое значение для международного положения Руси, во многом выпали из поля зрения специалистов. За более чем столетнюю историю фундаментального византиноведения¹, прежде всего, в отечественной историографии накоплен громадный опыт всестороннего изучения византийско-русских отношений. Однако даже в обзорных исследованиях² период XI – начала XII веков, особенно, ограниченный 1060-1110 гг., пребывает в тени предшествовавших и последовавших событий. Данная эпоха отмечена лишь бледным пунктиром и сопровождается значительно меньшим, в сравнении со временем IX – X или рубежом XII – XIII столетий³, количеством комментариев и обобщений, во всяком случае, они не столь разноплановы. Вплоть до сегодняшнего дня акцент традиционно делается на проблемах взаимодействия в церковной⁴ и культурной⁵ сферах, тогда как внешнеполитические контакты представлены недостаточно полно. Подробно рассмотренными оказались лишь некоторые избранные события военно-политических отношений Руси и Византии того времени, причем без должного анализа осталась лежащая в их основе система причинно-следственных связей.

В первую очередь интерес вызывает последняя русская экспедиция против Царьграда в 1043 г. Даже простой компендиум по вопросу о причинах, обстоятельствах и итогах этого похода занял бы не один десяток страниц, но формат и тематика настоящей работы не позволяют остановиться на данном сюжете⁶, поэтому мы заострим внимание на военно-политических

¹ Курбатов Г.Л. История Византии (историография). Л., 1975. С. 90-91.

² Васильевский В.Г. Избранные труды по истории Византии (Труды В.Г. Васильевского): В 2 кн. (4 т.). Кн. 1 (тт. I-II) / Ред.-сост. М.В. Грацианский, П.В. Кузенков. М., 2010; Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956; Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь.

³ Бибиков М.В. Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах восточной Европы. М., 1997; Бибиков М.В. Византийские источники по истории Древней Руси и Кавказа. СПб., 2001; Майоров А.В. Русь, Византия и Западная Европа: Из истории внешнеполитических и культурных связей XII – XIII веков. СПб., 2011; Horodysky J.Z. Byzantium and Rus' Relations During the Reign of the Comneni. Ann Arbor, 1989.

⁴ См., напр. Голубинский Е.Е. История русской церкви: В 2 т. Т. I. Ч. 1-2. М., 2012; Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви: В 2 т. Т. I. М., 1997; Приселков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X – XII веков. СПб., 2003; Рапов О.М. Русская церковь в IX – первой трети XII веков. Принятие христианства. М., 1988; Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X – XIII веков. М., 1989; Shepard J. Byzantium and Russia in the Eleventh Century: A Study in Political and Ecclesiastical Relations. University of Oxford, 1974.

⁵ Лихачев Д.С. Избранные работы: В 3 т. Л., 1987; Франклин С. Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950-1300) / Пер. и отв. ред. Д.М. Буланин. СПб., 2010; Franklin S. Byzantium – Rus – Russia: Studies in the translation of Christian culture. Aldershot (Hants.); Burlington (Vt), 2002.

⁶ Подр. см. Брюсова В.Г. Русско-византийские отношения середины XI века // Вопросы истории. 1972. № 3. С. 51-62; Брюсова В.Г. Поражение или победа (о русско-византийской войне 1040-х гг.) // Берега Тавриды. 1991. № 16. С. 41-48; Карпов А.Ю. Ярослав Мудрый. 2-е изд., испр. и доп. М., 2005. С. 342-374; Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. С. 388-399; Литаврин Г.Г. Пселл о причинах последнего похода русских на Константинополь в 1043 г. // Византийский временник. 1967. Т. XXVII (52). С. 71-86; Литаврин Г.Г. Еще раз о походе русских на Византию в июле 1043 г. // Византийский временник. 1968. Т. XXIX (54). С. 105-107; Литаврин Г.Г. Война Руси против Византии в 1043 г. // Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья Киевская Русь и ее славянские соседи / Отв. ред. В.Д. Корольков. М., 1972. С. 178-222; Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь. С. 228-277; Саламон М. К вопросу о дате главного сражения русских с греками в июле 1043 г.

отношениях Руси и Византии до и после 1043 г. в течение столетия, сместив при этом угол зрения в сторону империи ромеев. Действия Константинополя вокруг крымско-таманского пограничья XI – начала XII веков, за редким исключением⁷, подвергались, скорее, поверхностному разбору. Они словно утратили «византийский контекст»: сам факт возникновения контактной зоны в Приазовье и Крыму, ее значение и для Руси, и для Византии остаются незамеченными. Представление о крымско-приазовском регионе как об области византийско-русского военно-политического взаимодействия отсутствует, а Тмутаракань воспринимается лишь как «своеобразная причерноморская вольница, военная и торговая колония, убежище князей-изгоев, которую вряд ли можно рассматривать только в контексте истории Древней Руси»⁸.

Вместе с тем применение термина «контактная зона» к изучению византийско-русского военного пограничья в Крыму и Приазовье справедливо и уместно. Хотя дискуссия о сущности контактных зон насчитывает не одно десятилетие⁹, ключевая проблема – неразработанность научно-понятийного аппарата и типологии¹⁰ – по-прежнему актуальна. Сообразно ситуации в вопросе формирования контактных зон ученые отдают предпочтение природно-географическим условиям, этнокультурным или конфессиональным факторам, но необходимо отметить, что немаловажная роль принадлежала и «политико-административному устройству, связанному с образованием новых государств и расширением их пределов»¹¹.

Именно такая обстановка сложилась в северо-восточной части Черноморья к началу XI века, когда рядом с византийскими владениями в Таврике возникла русская военно-торговая

// Византийский временник. 1972. Т. XXXIII (58). С. 88-91; *Слядзь А.Н.* Русско-византийские отношения середины XI столетия: Последний поход на Константинополь – попытка передела «сфер влияния»? // Тезисы докладов XXXI Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения». СПб., 2012. С. 289-293; *Shepard J.* Why did the Russians attack Byzantium in 1043? // *Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher.* 1978-1979. Т. XXII. P. 147-212.

⁷ *Гадло А.В.* Предыстория Приазовской Руси: Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб., 2004.

⁸ *Козловский И.П.* Тмутаракань и Таматарха – Матарха – Тамань // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии (бывш. Таврической ученой архивной комиссии). Т. II (59) / Под. ред. секретаря общества Н.Л. Эрнста. Симферополь, 1928. С. 64-67.

⁹ *Агаджанов С.Г.* Контактные зоны Восточной Европы: Узловые проблемы и задачи изучения // Доклады Института российской истории РАН. 1995-1996. М., 1997. С. 5-36; *Арутюнова-Фиданян В.А.* Армяно-византийская контактная зона (X – XI века). Результаты взаимодействия культур. М., 1994; *Арутюнова-Фиданян В.А.* К вопросу об основных характеристиках контактной зоны // Контактные зоны в истории Восточной Европы: Перекрестки политических и культурных взаимовлияний. М., 1995. С. 42-61; *Королюк В.Д.* О так называемой «контактной зоне» в Юго-Восточной и Центральной Европе периода раннего средневековья // Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972. С. 31-46; *Серов В.В.* Понятие контактной зоны в исторической науке // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2015. № 31. С. 65-71; *Actes du XIVe Congrès international des études byzantines: Bucarest, 6-12 septembre 1971: In 3 Vol. Vol. II.* Bucarest, 1975.

¹⁰ *Агаджанов С.Г.* Контактные зоны Восточной Европы: Узловые проблемы и задачи изучения // Контактные зоны в истории Восточной Европы: Перекрестки политических и культурных взаимовлияний. М., 1995. С. 9.

¹¹ *Агаджанов С.Г.* Контактные зоны Восточной Европы: Узловые проблемы и задачи изучения // Доклады Института российской истории РАН. 1995-1996. М., 1997. С. 12.

фактория в Тмутаракани, а Приазовье и Крым превратились в своеобразную буферную зону (лимес, лимитроф) – пограничную область, имевшую свою фортификацию и систему коммуникаций. Она разделяла и одновременно объединяла сразу три этно-территориальных компонента – ромейскую Таврику, русскую Тамань и (опосредованно) кочевническую степь. Внутреннее устройство византийско-русской контактной зоны, как и любого пограничного региона подобного рода, зависело от типа государства (империи) и особенностей его взаимодействия с соседними народами, поскольку само появление лимитрофа – результат некоего компромисса¹², заданного конкретно обусловленной формой контактов. Например, для Константинополя договоренности о «правилах игры» в той или иной зоне взаимодействия подразумевали, что в ее пределах расположена линия укреплений, подконтрольная представителям императорской власти¹³. Ромеи придавали большое значение порубежным областям и созданию лимитрофов¹⁴, что хорошо показывает зарождение «Византийского содружества наций» (см. главу I): «в умелой организации пограничных регионов, возможно, заключалась одна из загадок живучести Византийской империи между враждебными государствами Европы и Азии»¹⁵.

Огромное протяжение ромейских рубежей, наряду с длительным существованием империи были теми факторами, которые в разное время «высвечивали» – понижали или повышали – роль различных участков границы в соответствии с «текущим моментом». В XI столетии подобное значение приобрели Приазовье и Крым: Тмутаракань стала форпостом Руси и единственной из ее волостей, имевшей общую границу с владениями Византии в Таврике – «сердцем контактной зоны и средоточием всех причерноморских проблем»¹⁶.

Подробный **обзор источников и историографии**, связанных с тем или иным эпизодом военно-политических отношений Византии и Руси указанного периода, помещен в начале каждой соответствующей главы. Источниковедческий анализ настолько тесно переплетен с историографическим, что отделить их друг от друга или вычлениить из конкретных сюжетов без ущерба для дела – цельного рассмотрения византийско-русской контактной зоны в Приазовье и Крыму – невозможно. Поясним лишь, что наиболее весомую часть источников составляют русские

¹² Там же. С. 8, 29.

¹³ Там же. С. 24.

¹⁴ *Бартикян Р.М., Каждан А.П., Удальцова З.В.* Социальная структура восточных границ Византийской империи // Actes du XIVe Congrès international des études byzantines: Bucarest, 6-12 septembre 1971: In 3 Vol. Vol. II. Bucarest, 1975. P. 231-235.

¹⁵ *Арутюнова-Фиданян В.А.* К вопросу об основных характеристиках контактной зоны. С. 43.

¹⁶ *Некрасов А.М.* Крым – центр причерноморской контактной зоны // Контактные зоны в истории Восточной Европы: Перекрестки политических и культурных взаимовлияний. М., 1995. С. 35.

летописи¹⁷, значительность и всеохватность изучения которых хорошо известна¹⁸. Вместе с тем, если летописный сегмент источников подходит для всех разделов настоящей работы, то информация остальных – от повествовательных¹⁹ до сигиллографических²⁰ и эпиграфических²¹ материалов – используется, исходя из их актуальности для каждой проблемы. Однако взаимозависимость всех источниковых компонентов очевидна: тексты печатей и надписей можно

¹⁷ Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. I. М., 2001; Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II. М., 1998; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. Т. III. М.; Л., 1950; Повесть временных лет / Подг. текста, пер., статьи, комм. Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1996.

¹⁸ См., напр. *Алешковский М.Х.* «Повесть временных лет». Из истории создания и редакционной переработки. М., 2015; *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963; *Буганов В.И.* Отечественная историография русского летописания (обзор советской литературы). М., 1975; *Данилевский И.Н.* Повесть временных лет: Герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М., 2004; *Кузьмин А.Г.* Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань, 1969; *Насонов А.Н.* История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969; *Приселков М.Д.* История русского летописания XI – XV веков. СПб., 1996; *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979; *Толочко П.П.* Русские летописи и летописцы X – XIII веков. СПб., 2003; *Шахматов А.А.* Разыскания о русских летописях. М., 2001.

¹⁹ Анна Комнина. Алексиада / Вступ. статья, пер., комм. Я.Н. Любарского. М., 1965; Житие преподобного отца нашего Феодосия, игумена Печерского / Подг. текста, пер., комм. О.В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексева, Н.В. Поньрко: В 20 т. Т. I: XI – XII века. СПб., 1997; Киево-Печерский патерик / Подг. текста Л.А. Ольшевской, пер. Л.А. Дмитриева, комм. Л.А. Дмитриева и Л.А. Ольшевской // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева, А.А. Алексева, Л.А. Дмитриева, Н.В. Поньрко: В 20 т. Т. IV: XII век. СПб., 1997; Константин Багрянородный. Об управлении империей / Текст, пер., комм. под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М., 1991; *Розен В.Р.* Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. СПб., 1883; Сумбат Давитис-дзе. Истории и повествования о Багратионах / Пер., введ., прим. М.Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, 1979; «Хождение» игумена Даниила в Святую Землю в начале XII века / Отв. ред. Г.М. Прохоров. СПб., 2007; *Ioannis Skylitzae Synopsis Historiarum* / Ed. J. Thurn // *Corpus fontium historiae Byzantinae. Vol. V: Series Berolinensis.* Berlin; New York, 1973.

²⁰ *Алексеевко Н.А.* Новые находки моливдовулов из рода Цулы в Херсонесе // Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины. Тезисы докладов. Харьков, 2005. С. 96-97; *Алфьоров О.А.* Печатка Михаїла, архонта і дуки Матрахи та всієї Хазарії з колекції О. Шереметьєва // Сфрагистический меридиан: КИЇВ – КОРСУНЬ / ХЕРСОН – ΚΟΝΣΤΑΝΤΙΝΟΥΠΟΛΙΣ. Материалы Международного коллоквиума по русско-византийской сфрагистике (Киев, 13-16 сентября 2013 г.) / Сост. Н.А. Алексеевко. Киев; Севастополь, 2013. С. 28-31; *Булгакова В.И.* Сигиллографический комплекс порта Сугдеи (материалы подводных исследований 2004-2005 г.) // Сугдейский сборник. Вып. III. 2008. С. 296-330; *Герасимов Т.* Два славянских моливдовула XI и XII веков // *Byzantinoslavica.* 1952. Т. XIII. Р. 1. S. 93-100; *Зайбт Н., Зайбт В.* Печати стратигов византийской фемы Херсон // Античная древность и средние века. 1995. Вып. XXVII: Византия и средневековый Крым. С. 91-97; *Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983; *Степанова Е.В.* Печати из Судака (к вопросу об интерпретации) // Сугдейский сборник. 2005. Вып II. С. 537-545; *Чхаидзе В.Н.* «Хазария» XI века: к вопросу о локализации (по данным византийских моливдовулов). М., 2016; *Юргевич В.* Две печати, найденные в византийском Херсоне в 1884 г. // Записки Императорского Одесского Общества истории и древностей. 1886. Т. XIV. С. 1-21; *Юргевич В.* Свинцовые печати, принадлежащие музею Общества // Записки Императорского Одесского Общества истории и древностей. 1889. Т. XV. С. 41-46; *Янин В.Л.* Печати Феофано Музалон // Нумизматика и сфрагистика. Сб. II. Киев, 1965. С. 76-90; *Янин В.Л.* Актовые печати Древней Руси: В 2 т. Т. I: Печати X – начала XIII веков. М., 1970; *Янин В.Л., Гайдуков П.Г.* Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1997 г. // Новгород и Новгородская земля: История и археология. 1998. Т. XII. С. 338-357; *Schlumberger G.* Sigillographie de l'Empire Byzantine. Paris, 1884.

²¹ *Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. СПб., 1896; *Медынцева А.А.* Тмутараканский камень. М., 1979; *Мусин-Пушкин А.И.* Историческое исследование о местоположении древнего Российского Тмутараканского княжения. СПб., 1794; *Оленин А.Н.* Письмо к графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину о камне Тмутараканском, найденном на острове Тамани в 1792-м г. СПб., 1806; *Рыбаков Б.А.* Русские датированные надписи XI – XIV веков. М., 1964.

«разговорить» только с привлечением нарративных памятников и в первую очередь русских летописей.

Цель исследования заключается в составлении общей картины военно-политических связей Византии и Руси XI – начала XII веков на примере их взаимодействия в Приазовье и Крыму. Практически полное отсутствие византийских данных заставляет буквально по крупицам собирать скудную, и потому еще более ценную информацию из русских летописных и иных источников.

Исходя из вышеизложенного, **задачи исследования** состоят в следующем:

1. Острая нехватка исходного материала и невозможность открытия, по крайней мере, в обозримом будущем, новых источников, препятствуют серьезным коррективам и принципиальным фактическим уточнениям в восприятие столь отдаленной от сегодняшнего дня эпохи. Следовательно, на первый план выходит *важность интерпретаций и их уточнения*, а также *переосмысления* немногочисленных эпизодов русско-византийских отношений как элементов единой структуры. Наблюдение, сделанное полвека назад З.В. Удальцовой, – «один из недостатков работ советских историков по русско-византийским сюжетам заключается в том, что эти исследования ведутся порой разобщенно»²² – актуально и сейчас.

2. Ограниченность источникового корпуса, сравнительно небольшой объем данных, которыми мы вынуждены оперировать, не должны останавливать процесс выявления *общих закономерностей* военно-политических связей двух главнейших членов «Византийского содружества». К тому же имеет значение не только конечный «концептуально-методологический» вывод, но и сам поиск ведущих к нему исследовательских «троп». По замечанию Б.А. Рыбакова, «необходимо построение добротных гипотез, – таких, которые будучи основаны на групповом изучении фактов, в то же время будут устремлены дальше их и это будет направление поиска»²³.

3. Информация о военно-политических отношениях Византии и Руси XI – начала XII столетий неполна, неточна и противоречива, их следы словно теряются в драматических перипетиях международной обстановки той эпохи. Даже недостоверные, легендарные сведения представляют значительный интерес: опровергнув их, нам удастся хотя бы выяснить то, чего *не* могло произойти, и таким образом, пристальнее взглядеться в уже вполне реальные детали русско-византийских контактов.

В основе исследования лежат следующие **принципы**:

²² Удальцова З.В. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969. С. 343-344.

²³ Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969. С. 115.

1. *Принцип объективности* направлен на обнаружение всех фактов, относящихся к затронутой теме, и призван способствовать вскрытию корней явлений, а также максимально возможной нейтрализации предвзятости при их оценке и интерпретации.
2. *Принцип историзма* заключается в изучении предмета на всех этапах его развития и в контексте общих исторических условий.

Указанным принципам соответствуют **методы** исторического исследования:

1. *Историко-сравнительный метод* связан с установлением и описанием сущности исторических явлений по сходству или различию их свойств и признаков с учетом конкретно-исторических условий; он предполагает сопоставление состояния предмета как «по вертикали», так и «по горизонтали».
2. *Историко-системный метод* подразумевает обобщение и интерпретацию исторических фактов, вписанных в единую систему их анализа и оценки.
3. *Ретроспективный метод* приводит к созданию модели исследуемого явления с учетом всей совокупности доступных источников и на основе их глубокого анализа и извлеченной из них информации.
4. *Синхронный метод* обеспечивает рассмотрение фактов на каждом хронологическом отрезке.
5. *Биографический метод* нацелен на изучение становления и развития личности в историческом контексте.

Практическое значение работы состоит в том, что ее выводы могут быть использованы при написании как учебных пособий, так и научных монографий по истории Византии, Руси, Северного Причерноморья и международных отношений в средние века.

Апробация исследования. Диссертация подготовлена на кафедре истории средних веков Института истории СПбГУ. Результаты исследования прошли апробацию в форме научных докладов:

- «“Византийская” угроза киевлян 1069 г.: историографический и источниковедческий аспект» на XVII чтениях памяти Анны Мачинской «Ладога и история Скифии – России» (музей-заповедник «Старая Ладога», 2012);
- «Византийско-русские связи в середине 60-х гг. XI века: Константин X и Святослав Ярославич против самостоятельной Тмутаракани» на XXXII всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (СПбГУ, 2012 г.);

- «Русско-византийские отношения середины XI столетия: Последний поход на Константинополь – попытка “пердела сфер влияния”?» на XXXI Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (СПбГУ, 2011 г.);
- «Походы Олега и Игоря на Константинополь – “силовая заявка” на вступление в “Византийское содружество”?» на XXX Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (СПбГУ, 2010 г.);
- Некоторые проблемы военно-дипломатических отношений Древней Руси и Византийской империи в IX столетии на XXIX Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (СПбГУ, 2010 г.).

Настоящая работа, базирующаяся на достижениях отечественной и зарубежной историографии, а также широком спектре нарративных, документальных и вещественных источников, представляет собой попытку восполнения и объяснения многочисленных «разрывов» в ткани военно-политических отношений Древней Руси и Византийской империи в период расцвета и последовавшего кризиса их политических систем.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Структура работы: диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и перечня использованных источников и литературы.

Во **введении** обоснована актуальность исследования, определены его хронологические рамки, объект, предмет, цель и задачи, а также дана общая характеристика проблемы.

Первая глава «“Византийское содружество наций”: проблема характеристики» посвящена анализу известной концепции Д.Д. Оболенского о «Византийском содружестве наций»²⁴. Поскольку научный потенциал этой гипотезы очень значителен, а ее отношение к проблемам византийско-русского взаимодействия очевидно, постольку есть потребность в небольшом уточняющем комментарии.

Признавая факт существования некой наднациональной общности, центром которой являлся Константинополь, во-первых, не стоит преувеличивать степень культурно-религиозной интеграции и сужать понятие «Византийского содружества» до рамок церковно-идеологического

²⁴ *Obolensky D. The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe, 500-1453. New York; Washington, 1971; Оболенский Д.Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 2012.*

единства²⁵. Во-вторых, в ромейскую ойкумену входили не только Балканы, Северный Дунай и Северное Причерноморье с преимущественно греко-славянским населением, но и полиэтничные Италия, Кавказ, Приевфратье и, конечно, Малая Азия²⁶. Наконец, в-третьих, существование «Содружества» следует ограничить серединой IX – концом XII века – временем расцвета классической Византии (Д.Д. Оболенский термин «Византийское содружество» распространяет едва ли не на весь период VI – XV столетий).

Обладая четкой географической (средиземно-черноморской) привязкой, «Содружество» представляло собой не столько духовно-религиозное, сколько военно-политическое сообщество. Нельзя игнорировать наличие на византийском восточном пограничье зависимых от империи лимитрофов, опиравшихся на ромейское оружие и периодически проявлявших строптивость. Таким образом, спектр взаимодействия внутри византийской ойкумены был столь велик и разнообразен, что каждый ее представитель строил отношения с метрополией сообразно конкретно-историческим условиям, равно как и Константинополь избирал достаточно гибкий курс для потенциальных или реальных военно-политических союзников, экономических партнеров или «духовных дочерей».

Вторая глава «Складывание русско-византийского военного пограничья (начало XI столетия)» рассматривает проблему формирования Приазовья в качестве контактной зоны Византии и Руси.

Параграфы 2.1. «Политическая обстановка в Византии на рубеже X – XI веков» и **2.2.** «Политическая обстановка на Руси на рубеже X – XI веков» носят вспомогательный характер и представляют собой краткий экскурс в политическую историю Византии и Руси конца X – первой четверти XI столетий, без которого понимание военно-политических отношений обеих стран окажется невозможным.

Параграф 2.3. «Вопрос о союзничестве Василия Болгаробойцы и Мстислава Тмутараканского» посвящен партнерским отношениям Византии и властителя Приазовья Мстислава – сына великого киевского князя Владимира Святославича.

В первой трети XI столетия Тамань из торговой фактории, подчиненной Киеву, превратилась в самостоятельный удел, распространивший влияние за пределы полуострова – на

²⁵ *Литаврин Г.Г.* Рец. на: Д. Оболенский. Византийское сообщество государств. Восточная Европа. 500-1453 // Вопросы истории. № 2. 1972. С. 183.

²⁶ *Каждан А.П.* Рец. на: D. Obolensky. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe, 500-1453. London, 1971 // Византийский временник. Т. XXXV (60). 1973. С. 262.

Восточный Крым и Прикубанье. Расцвет Тмутаракани неразрывно связан с энергичным правлением Мстислава Владимировича Храброго, которое, несмотря на ограниченность первичной информации, привлекает внимание исследователей. В то же время отношения Мстислава Тмутараканского с Византией остаются одним из сравнительно малоизученных эпизодов военно-политических контактов Руси и империи.

При относительно небольшом объеме источников – «Обозрении истории» Иоанна Скилицы²⁷, сведений Льва Диакона²⁸ и Яхьи Антиохийского²⁹, русских летописей³⁰, данных сфрагистики³¹ – историография по проблеме обширна. Однако работы, так или иначе затрагивающие немногочисленные сюжеты, касающиеся деятельности Мстислава Владимировича, нередко упускают из виду, вернее, не пытаются выявить его связи с Василием II, их характер и значение не только для Тмутаракани, но и для восточночерноморского региона в целом. Большинство специалистов или ограничивались констатацией факта (в первую очередь: «Мстислав – сильный независимый князь»³²), и/или скрупулезно занимались различными (и немаловажными) уточнениями топографии, деталей военных экспедиций и пр.³³ Мстислав и его внешняя политика

²⁷ Ioannis Skylitzae Synopsis Historiarum. S. 354-355; John Skylitzes. A Synopsis of Byzantine History, 811-1057 / Transl. by J. Wortley with Introductions by J.-C. Cheynet and B. Flusin and Notes by J.-C. Cheynet. Cambridge, 2010.

²⁸ Лев Диакон. История / Пер. М.М. Копыленко; отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1988. С. 71-72.

²⁹ Розен В.Р. Император Василий Болгаробойца. С. 405-415.

³⁰ Повесть временных лет. С. 64-65, 191, 202-203.

³¹ Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов византийской фемы Херсон. С. 91-97; Соколова И.В. Печати Георгия Цулы и события 1016 г. в Херсоне // Палестинский сборник. 1971. Вып. XXIII (86): Византия и Восток. С. 68-74; Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. С. 103-106; Юргевич В. Две печати, найденные в византийском Херсоне. С. 1-21; Юргевич В. Свинцовые печати, принадлежащие музею Общества. С. 41-46; Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси. Т. I. С. 26-27.

³² Артамонов М.И. История хазар / Под. ред. и с прим. Л.Н. Гумилева. Л., 1962. С. 436-437; Мавродин В.В. Очерки истории левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV века). СПб., 2002. С. 166-168; Цветков С.Э. Эпоха единства Древней Руси. От Владимира Святого до Ярослава Мудрого. М., 2012. С. 289-296.

³³ Богданова Н.М. Херсон в X – XV веках. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века / Под. ред. С.П. Карпова. М., 1991. С. 8-172; Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа. СПб., 1994. С. 78-91; Гадло А.В. Предыстория Приазовской Руси. С. 248-254; Котляр Н.Ф. Мстислав Тмутараканский и Ярослав Мудрый // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования / Институт всеобщей истории: 1998: Памяти чл.-корр. РАН А.П. Новосельцева / Отв. ред. Т.М. Калинина. М., 2000. С. 134-142; Котляр Н.Ф. Тмутараканское княжество: Реальность или историографический миф? // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования / Институт всеобщей истории: 2003: Мнимые реальности в античных и средневековых текстах / Отв. ред. Т.Н. Джаксон. М., 2005. С. 107-119; Степаненко В.П. Цула и Херсон в российской историографии XIX – XX веков // Россия и мир: панорама исторического развития: сборник научных статей, посвященный семидесятилетию исторического факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2008. С. 27-35; Степаненко В.П. Архонт Хазарии – стратиг Херсона? // Херсонесский сборник. 2011. Вып. XVI. С. 153-160; Чхаидзе В.Н. Тмутаракань (80-е гг. X века – 90-е гг. XI века): Очерки историографии // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. 2006. Вып. VI. С. 142-146; Чхаидзе В.Н. Тмутаракань – владение Древнерусского государства в 80-е гг. X – 90-е гг. XI веков // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Исторические науки». 2010. № 1 (5). С. 20-37; Яковсон А.Л. Херсонес и Киевская Русь в XI веке // Вестник Ленинградского университета. 1949. № 4. С. 104-117; Яковсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII – XIV века) // Материалы исследования по археологии СССР. 1950. № 17. С. 15-23; Яковсон А.Л. К изучению позднесредневекового Херсонеса (исправления и дополнения к работе «Средневековый Херсонес», МИА, вып. 17, 1950) // Херсонесский сборник. 1959. Вып. V: Материалы по археологии Херсонеса Таврического. С. 229-244.

за редким исключением³⁴ оказывалась как бы вне «византийского контекста»: международные акции Константинополя, точнее, их увязка с событиями вокруг Тамани начала XI столетия находятся по большей части на исследовательской периферии. Таким образом, представляется интересным, не преувеличивая значения Тмутаракани до признания едва ли не ее равенства с Византией, уточнить положение Приазовья в региональном «балансе сил», статус и место Тмутаракани в «Византийском содружестве», а также показать сущность военно-политического альянса Василия Булгароктона и Мстислава Владимировича. Став союзником империи в войне с Грузией начала 1020-х гг., тмутараканский правитель еще в 1016 г. протянул руку военной помощи Константинополю и выступил против антивизантийских мятежников в Крыму.

Хроника Иоанна Скилицы содержит уникальные и в известной степени неожиданные сведения о том, что в 1016 г. Василий II *«возратившись в Константинополь, в январе <...> отправил флот в Хазарию, поставив экзархом Варду Монга, сына Андроника Дуки Лиды, который вместе со Сфенгом, братом Владимира, что был зятем императора, подчинил страну, а ее архонт Георгий Цула был захвачен в первом сражении»*³⁵.

Зная, что в информации «Обозрения истории» под «Хазарией», очевидно, подразумевается Крым, необходимо остановиться на проблеме двух главных и загадочных персонажей сообщения Скилицы – Георгия Цуло, названного в «Обозрении истории» «архонтом Хазарии» и Сфенга – «брата Владимира», т.е. великого князя Владимира Святославича.

Надо полагать, что, будучи не стратигом Херсона, а именно «архонтом Хазарии» – правителем зависимого от Византии крымского лимитрофа Георгию Цуле многое удалось. Вассально владея, по всей видимости, северо-восточной Таврикой, Георгий подчинил (не исключено, что благодаря антивизантийскому движению) некогда входивший в состав владений Хазарского каганата Киммерийский Боспор (Корчев, Керчь), а также Херсонес. Вместо расхожей, но все же лишенной достаточной доказательной базы, локализации мятежа Георгия Цуло в Херсоне, можно констатировать, что восстание получило чуть ли не всекрымский размах: начавшись, условно говоря, в Боспоре-Керчи, оно вскоре охватило и Херсон. Антивизантийская

³⁴ Карпов А.Ю. Ярослав Мудрый. С. 213-217; Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. С. 383-384; Литаврин Г.Г. Восстание в Херсоне против византийской власти в 1016 г. // ПОЛУТРОПОН. К семидесятилетию В.Н. Топорова. М., 1998. С. 923-931; Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь. С. 215-223; Степаненко В.П. К истории средневековой Таврики // Античная древность и средние века. 1992. Вып. XXVI: Византия и средневековый Крым. С. 125-133; Степаненко В.П. К статусу Тмутаракани в 80-90-х гг. XI века // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1993. Вып. III / Ред.-сост. А.И. Айбабин. С. 254-263.

³⁵ Ioannis Skylitzae Synopsis Historiarum. S. 354-355; Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь. С. 215-216; Мохов А.С. Аристократические кланы Малой Азии в 976-1025 гг.: Андроник Дука Лид и его сыновья // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. № 4 (133). 2014. С. 104.

агитация энергичного лимитрофного властителя, порвавшего с зависимостью от империи, имела успех: Цуло не просто вышел из повиновения, а бросил открытый вызов Константинополю, в какой-то мере опираясь и на давнюю сепаратистскую традицию херсонитов.

В то же время под именем Сфенга скрывается Мстислав Храбрый (сын, а не брат великого князя Владимира I, как ошибочно полагает Скилица), около 988/1010 г. получивший от отца Тмутаракань с прилегающим к ней Таманским полуостровом – ближайшей волостью к византийским владениям в Крыму. Почти наверняка обретя известную самостоятельность в период свары братьев за Киев по смерти Владимира Святого, Мстислав устранился от борьбы за великокняжеский стол, хотя и имел на него прав не меньше, чем другие Владимировичи³⁶. Нестабильная обстановка на Руси заставляла Мстислава Храброго проявлять осторожность, прочнее держаться за освоенную Тамань, выжидать, наблюдая за войной между Святополком Окаянным и Ярославом Мудрым, и расширять контакты с ближайшим соседом Тмутаракани – Херсонесом, а через него с Византией.

Вспыхнувшее масштабное восстание Георгия Цуло мгновенно изменило ситуацию в Северном Причерноморье и, как быстро выяснилось, способствовало значительному возвышению Мстислава Храброго. Когда движение под руководством Цуло в короткий срок охватило весь ромейский Крым, константинопольское правительство осознало, что своих сил для подавления инсургентов недостаточно. Естественным и незаменимым союзником Византии в черноморско-азовском регионе являлся Киев и, вероятно, не позднее лета 1015 г. Василий II против крымских мятежников запросил помощь у великого князя Владимира I. Однако смерть Владимира Святославича в июле 1015 г. и начавшаяся на Руси кровавая смута перечеркнули надежды империи на вооруженную поддержку от центральных киевских властей. Иными словами, Георгий Цуло грамотно выбрал момент для начала восстания: на руку повстанцам играли как продолжавшаяся византийско-болгарская война, так и русская междоусобица³⁷.

В этих условиях единственный, кто смог оказать содействие ромеям против взбунтовавшегося Цуло, был Мстислав Тмутараканский. По-видимому, инициатива Владимировича предполагала, что в обмен на его участие в ликвидации крымского восстания Василий II должен поддержать Мстислава в создании личного удела с центром в Тмутаракани. Василий Болгаробойца принял предложение Мстислава Храброго, поскольку Георгий Цуло являлся их общим противником: Георгий не только отложился от империи и вывел из-под

³⁶ Карпов А.Ю. Ярослав Мудрый. С. 213-214.

³⁷ Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа. С. 84; Гадло А.В. Предыстория Приазовской Руси. С. 253.

контроля Константинополя стратегически важный форпост в Крыму, но и нарушил хозяйственные связи таманской торговой общины с Византией. Авантюра Цуло, несомненно, стимулировала и военно-политическое сближение василевса ромеев и правителя Приазовья: Мстислав Владимирович настолько умело разыграл «крымскую карту», что вскоре стал ключевым партнером империи на северо-востоке Черноморья. На фоне опасного движения Георгия Цуло Мстислав выступил в роли безальтернативного союзника, и царское правительство признало его таковым: к обоюдной выгоде Византия приняла помощь от Владимировича. Константинополь поспешил воспользоваться тмутараканским приглашением к альянсу еще и потому, что отказ от него подталкивал Мстислава Храброго и мятежный Крым друг к другу и провоцировал «кооперацию» против империи.

Итак, в 1016 г. состоялась совместная византийско-русская (точнее, византийско-тмутараканская) операция против крымских повстанцев Георгия Цуло; она прошла без санкции Киева, погрязшего во внутренних распрях, но по соглашению правителя Приазовья Мстислава Владимировича и царя Василия II. Мстислав Храбрый продолжил курс отца и сохранил верность «Содружеству»: он пришел на выручку Константинополю, несмотря на неблагоприятное (зима – ранняя весна) время года³⁸. Рассуждая сугубо логически, надо полагать, что Мстислав координировал свои действия с ромейским экспедиционным корпусом Варды Мунга и нанес удар по расположенной рядом с Таманью Керчи, тогда как византийцы атаковали Херсонес. По итогам успешного похода и разгрома Цуло Мстислав Владимирович и Василий II, по всей вероятности, выполнили главный пункт взаимных договоренностей: Константинополь и Тмутаракань поделили «сферы влияния» на Крымском полуострове. Конечно, нельзя утверждать наверняка, но складывается впечатление, что в качестве своеобразного «бонуса» ромеи передали Мстиславу Храброму Корчев-Керчь³⁹, занятый им в ходе подавления восстания Георгия Цуло.

Усилив позиции в Приазовье, Мстислав Владимирович изыскал возможности для более значительных мероприятий, обратившись к юго-восточным рубежам своей уже вполне самостоятельной волости. К 1022 г. относится известный поход Мстислава на касогов (адыгов, черкесов), завершившийся установлением их даннической зависимости. Хотя масштаб проникновения руссов в Прикубанье не вполне понятен, тем не менее, черкесская экспедиция существенно повысила политико-военный потенциал Мстислава Владимировича. Как известно адыги приняли активное участие в войне Мстислава против великого киевского князя Ярослава I в

³⁸ *Литаврин Г.Г.* Восстание в Херсоне против византийской власти. С. 926; *Литаврин Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь. С. 223.

³⁹ *Карпов А.Ю.* Ярослав Мудрый. С. 217.

1023/24-26 гг., окончившейся победой правителя Приазовья, овладением им Чернигова и разделом Руси по Днепру. По-видимому, после 1022 г. речь шла не только о вассально-подданнических, но и о военно-политических соглашениях между касогами и Тмутараканью.

Вместе с тем поход Мстислава против адыгов почти совпал с окончанием войны Византии и Грузии за Иверию 1021-22 гг. Данное обстоятельство наводит на мысль, что быстрый разгром Василием II царя Грузии Георгия I и установление контроля империи над Южным Кавказом произошли не без помощи Тмутаракани. Мстислав Владимирович мог воздействовать на ход византийско-грузинской войны через своих данников-касогов: черкесы обитали в низовьях Кубани и ближайших к ним районах Закубанья, непосредственно граничивших с абхазскими владениями Георгия⁴⁰. Непосредственное участие *«русских»* в качестве союзников Василия II в экспедиции против Георгия I подтверждается сведениями современного грузинского автора Сумбата Давитисдзе (ум. в нач. 1030-х гг.): *«и вышли с той стороны русские отряды царя [Василия Болгаробойцы – А. С.]»*⁴¹, т.е. на стороне Византии против Георгия I сражался русский корпус. Русские прибыли *«с той стороны»* и этим регионом могли быть только Прикубанье и Северо-Западное Предкавказье – области, связанные с Тмутараканью и ее правителем Мстиславом Владимировичем. Между тем международная активность Мстислава на восточном направлении не ограничивалась Прикубаньем: очевидно, именно из Тмутаракани направлялись набеги на крупный западно-каспийский порт Дербент, совершенные русскими в 1029 и 1032-34 гг.⁴² Вероятно, они выступали в коалиции с аланами⁴³, что также указывает на большое значение, которое приобрел на Северном Кавказе властитель Приазовья и возглавлявшаяся им разноплеменная община Тамани. Интересно, что упомянутые события произошли после 1022-26 гг., т.е. по завершении войны Булгароктона с Георгием I и вокняжения Мстислава Владимировича в Чернигове Тмутаракань позволила себе серию масштабных военных предприятий.

Таким образом, едва ли Мстислав и, тем более, Василий II упустили возможность использовать сложившуюся в Восточном Причерноморье ситуацию в личных целях: Владимирович для расширения экспансии за пределы Тамани, а Болгаробойца – для оказания военно-политического давления на южнокавказских вассалов с северо-запада. Показательно, что во второй половине 1010-х – первой половине 1020-х гг. Василий II установил власть империи в

⁴⁰ Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа. С. 76, 202.

⁴¹ Сумбат Давитис-дзе. Истории и повествования о Багратионах. С. 384.

⁴² Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия: В 5 т. / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. Т. III: Восточные источники. М., 2009. С. 162-164; Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X – XI веков. М., 1963. С. 69-73.

⁴³ Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 230.

трех ключевых точках Черноморья – Нижнем Подунавье (не ранее 1016 г.⁴⁴), Крыму (1016) и Южном Кавказе (1022). В двух последних событиях отразились совместные действия Василия и Мстислава: через два десятилетия, прошедших с крещения Руси, ее отношения с Византией расцвели и укрепились на разных уровнях⁴⁵.

В третьей главе «Приазовье как совместное владение Византии и Руси (вторая половина XI столетия)» внимание сфокусировано на сущности русско-византийского взаимодействия в Крыму и на Тамани.

Параграфы 3.1. «Политическая обстановка в Византии во второй половине XI – начале XII веков» и **3.2.** «Политическая обстановка на Руси во второй половине XI – начале XII веков», как и параграфы 2.1. и 2.2., имеют сугубо контекстное значение.

Параграф 3.3. «Вопрос о союзничестве Константина Дуки и Святослава Ярославича» посвящен пребыванию в Прикубанье князя-изгоя Ростислава Владимировича и участию в его отравлении в феврале 1066 г. византийских агентов.

Короткое правление Ростислава на Тамани (1064-66), державшегося независимо по отношению к соседям, завершилось его убийством, в котором оказались замешаны как ближайшие родственники князя, так и правительство василевса ромеев. Не удостоенное пристального внимания исследователей, данное событие, включая его предысторию и последствия, существенно повлияло на расклад сил в крымско-приазовской контактной зоне: устранение Ростислава Владимировича продемонстрировало возможности и силу империи даже в неблагоприятное для нее время.

Ростислав – внук Ярослава Мудрого и сын рано умершего Владимира Новгородского⁴⁶ – не ужился с дядьями-«триумвирами» Изяславом, Святославом и Всеволодом Ярославичами, поделившими между собой власть на Руси. Ростислав Владимирович покинул Русь и занял Тмутаракань, входившую в домен Святослава Ярославича⁴⁷ наряду с Черниговом и Муром⁴⁸. Овладев таманской факторией, Ростислав вывел ее из сферы контроля Чернигова, т.е. бросил открытый вызов дядьке Святославу и создал угрозу выстроенной Ярославичами политической структуре. Ростислав Владимирович явно нацелился на перераспределение уделов, а таким князьям, не ассоциированным с «триумвирами», не нашлось места в тогдашней системе власти на

⁴⁴ Holmes C. Basil II and the governance of Empire. P. 412-415, 496-497.

⁴⁵ Ibid. P. 515.

⁴⁶ Ипатьевская летопись. С. 107; Повесть временных лет. С. 71, 209.

⁴⁷ Мавродин В.В. Очерки по истории левобережной Украины. С. 201.

⁴⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 469. Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне. С. 33.

Руси. Больше того, Ростислав Тмутараканский нарушил сложившийся в Северном Причерноморье силовой баланс: потенциальные попытки вполне самостоятельного Ростислава обеспечить преобладание в Приазовском районе и Крыму наверняка вызывали тревогу в византийских правящих кругах. Константинополь стремился удержаться хотя бы в северо-восточном углу черноморского бассейна, особенно после чувствительных поражений в Малой Азии, Южной Италии и на Балканах.

Интересно, что в собственно византиноведческой литературе проблема союзничества Константина X и Святослава Ярославича почти не рассматривается⁴⁹, а в работах специалистов по отечественной истории не без дотошности разбирается лишь эпизод убийства Ростислава Владимировича и примерные следствия из этого. Обычно вопрос разрабатывается исключительно на крымско-прикубанском материале⁵⁰ или увязывается только с внутрирусским контекстом⁵¹. Лишь в некоторых исследованиях общего характера, посвященных международному положению и событиям политической истории Руси и ее отдельных регионов, встречается прямое указание на реальную Византию второй половины XI века, а не на вневременной «византийский фактор» или абстрактных «льстивых греков»⁵². Тем не менее, связь рассматриваемого сюжета с тогдашними обстоятельствами международного положения империи, ее отношениями с ведущими княжествами Руси оказывается не выявленной. Единое представление о событиях вокруг Тмутаракани середины 1060-х гг. как о характерном и важном этапе византийско-русских военно-политических контактов отсутствует: масса деталей рассеяна по сравнительно обширной историографии.

Вместе с тем тот факт, что информация о тмутараканском правлении Ростислава содержится только в русских летописных источниках, не должен смущать. Полное молчание византийских источников о приазовских событиях середины 1060-х гг. обусловлено тем, что Русь

⁴⁹ Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. С. 403-404.

⁵⁰ Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа. С. 98-103; Гадло А.В. Предыстория Приазовской Руси. С. 266-270; Чаидзе В.Н. Тмутаракань. С. 144-151; Чаидзе В.Н. Тмутаракань – владение Древнерусского государства. С. 28-31; Яковсон А.Л. Херсонес и Киевская Русь в XI веке. С. 109-110; Яковсон А.Л. Средневековый Херсонес. С. 21-22.

⁵¹ Вернадский Г.В. История России: В 2 т. Т. II: Киевская Русь / Под ред. Б.А. Николаева. Тверь, М., 1999; Мавродин В.В. Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X – XIV веках // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института имени А.И. Герцена. 1938. Т. XI: Факультет исторических наук. С. 27-28; Мавродин В.В. Очерки по истории левобережной Украины. С. 201-202; Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951; Приселков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси. С. 68-70; Цветков С.Э. Древняя Русь. Эпоха междоусобиц. 1054-1212. М., 2009. С. 35-40.

⁵² Голубовский П.В. История Северной земли до половины XIV столетия. М., 2013. С. 78-80; Паушто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 84; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. Севастополь, 2006. С. 316-317; Роменский А.А. Последний пир князя Ростислава: Политический контекст отношений Руси и Византии на Тамани и в Таврике в 60-е – 70-е гг. XI века // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма: Археология, история, нумизматика, сфрагистика и эпиграфика. 2015. Вып. VII. С. 214-229.

перестала угрожать непосредственно Константинополю и теперь действовала силами одной фактории лишь на дальней, хотя и стратегически важной периферии.

Фактически выдвинутый из Руси дядями Ростислав Владимирович не просто прибыл в Приазовье и возглавил разноплеменную общину Тмутаракани. Овладев пограничной с византийским Херсоном территорией, Ростислав закрепился на ней и разорвал зависимость от Чернигова. Ростислав Владимирович получил возможность, не сообразуясь с «высоким» мнением «триумвиров», направить экспансию вовне, не исключая, очевидно, и владений ромеев, что вынуждало империю реагировать.

Таким образом, к гибели Ростислава Владимировича привела, в первую очередь, *нежелательная* внешнеполитическая активность Тмутаракани. Стремившийся максимально укрепить положение как на Тамани, так и в Восточном Крыму, а затем ввязаться в борьбу за отчины на Руси, Ростислав представлял угрозу не только для Константинополя, но и для Чернигова. Это обстоятельство спровоцировало отравление Ростислава Владимировича, произошедшее по просьбе или по согласованию/соглашению Святослава Ярославича с Константином X зимой 1066 г. Действуя за одно и не имея сил избавиться напрямую, Константин X и Святослав Ярославич устранили опасного соперника – Ростислава Владимировича. Самостоятельный правитель Приазовья потенциально угрожал интересам и Константинополя, и Чернигова там, где обе стороны были заинтересованы в сохранении *status quo*. С одной стороны, Ростислав мешал, как Византии, так и Чернигову, а, с другой, у Константинополя не хватало ресурсов для каких-либо действий по аннексии Приазовья. Потребовалось компромиссное решение, удовлетворявшее обоих союзников: их взаимное беспокойство нашло выход в устранении неподконтрольного князя, который в той или иной степени подрывал сложившийся региональный порядок.

В параграфе 3.4. «Византийская угроза» киевлян в 1069 г.» анализируется туманное летописное сообщение об угрозе части населения Киева после восстания 1068 г. уйти в «Греческую землю».

Междоусобицы на Руси второй половины XI столетия оказывали влияние в том числе на ее отношения с Византией. В этой связи интерес представляет на первый взгляд незначительный и детально не рассматривавшийся эпизод, датированный весной 1069 г.⁵³ Данному сюжету непосредственно посвящены лишь две недавно опубликованные статьи, не уделившие, впрочем,

⁵³ Повесть временных лет. С. 75, 212-213. К 1068 г. это событие относит лишь Радзивилловская летопись // Радзивилловская летопись. С. 73.

«византийскому фактору» должного внимания⁵⁴. В то же время в обзорных монографиях о византийско-русских контактах, это событие вовсе не упоминается⁵⁵, а в иных исследованиях общего характера рассматривается лишь как некое «приложение» к киевскому восстанию 1068 г.⁵⁶ Вместе с тем мы слишком мало знаем об отношениях Руси и Византии второй половины XI века (особенно их военно-политической стороне), чтобы чем-то пренебрегать: ценность представляет буквально каждое верифицируемое известие, нуждающееся в пристальном рассмотрении.

В 1069 г. на Русь вернулся изгнанный годом ранее Изяслав I Ярославич, поддержанный королем Польши Болеславом II. Ставший великим князем в ходе киевского восстания в сентябре 1068 г. Всеслав Брючиславич Полоцкий выступил навстречу польским войскам Изяслава. Однако, подойдя к Белгороду во главе столичного ополчения, Всеслав тайно покинул армию и сбежал в свою вотчину накануне вторжения Изяслава Ярославича. Обескураженные резким поворотом событий киевляне через представителей веча признались в клятвopеступлении⁵⁷ и обратились к Святославу и Всеволоду, братьям Изяслава I⁵⁸. Фактически призывая младших Ярославичей на княжение и к отпору старшему брату⁵⁹, киевляне, согласно летописным данным, так сформулировали свою позицию: *«Мы уже зло створили есмы, князя своего [Изяслава Ярославича – А. С.] прогнавшие, а се ведетъ на ны землю Лядьскую, а поидете въ град отца своего; аще ли не хочета, то намъ неволя: зажегше градъ свой, ступим въ Гречьскую землю»*⁶⁰.

⁵⁴ Горский А.А. «Зажегше град свой, ступим в Гречьску землю...» // Тезисы участников III международной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (21). Сентябрь 2005. С. 19-21; Лукин П.В. «... Нам неволя: зажегше град свои, ступим в Гречьску землю»: К интерпретации статьи Повести временных лет под 6577 г. // *Rossica Antiqua: Исследования и материалы*. 2006 / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, А.В. Майоров. СПб., 2006. С. 229-259.

⁵⁵ Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. С. 404-406; Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь. С. 276-299.

⁵⁶ Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 492-493; Котляр Н.Ф. Дипломатия Южной Руси. СПб., 2003. С. 55-57; Мавродин В.В. Народные восстания в Древней Руси X – XIII веков. М., 1961. С. 46-53; Приселков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси. С. 71-74; Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII – XIII веков. М., 1982. С. 440-443; Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII веков. СПб., 2003. С. 447-455; Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI – XIII веков. М., 1955. С. 95-98; Тихомиров М.Н. Древнерусские города. СПб., 2008. С. 187-190; Толочко П.П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев, 1987. С. 88-89; Франклин С., Шепард Дж. Возникновение Руси: 750-1200. СПб., 2009. С. 399-401. Фроянов И.Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995. С. 173-196.

⁵⁷ Толочко П.П. Власть в Древней Руси. X – XIII века. СПб., 2011. С. 162.

⁵⁸ Тверская летопись уточняет, что в этот момент князья находились в удельных столицах: Святослав в Чернигове, Всеволод – в Переяславле // Летописный сборник, именуемый Тверской летописью // Полное собрание русских летописей. Т. XV. СПб., 1863. С. 159.

⁵⁹ Линниченко И.А. Вече в Киевской области. М., 2011. С. 20.

⁶⁰ Ипатьевская летопись. С. 113-114; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 190-191; Повесть временных лет. С. 75, 212; Татищев В.Н. Собрание сочинений: В 8 т. Т. II-III: История Российская. Ч. II. Репринт с изд. 1963-1964 гг. М., 1994. С. 86. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского допускает описку и единственная из всех летописей трактует намерение киевлян как желание «эмигрировать» не в Византию, а в «Лядьскую землю», т.е. в

Донесенная летописью речь киевских делегатов к братьям Ярославичам и содержащиеся в ней требования кажутся вымыслом или третьестепенным, даже курьезным происшествием. Однако наличествующие свидетельства позволяют считать его уникальным, более не повторявшимся эпизодом, имеющим отношение как к внутрирусским событиям, так и к внешней политике Руси, ее международному положению и связям с Византией.

Демарш киевлян мог оказаться не блефом или жестом отчаяния, но вполне вероятным развитием событий. Коль скоро эпицентром восстания 1068 г. являлся Подол (Торг), то «авторами» этого демарша выступили его основные жители – купцы и низшие торгово-ремесленные круги, вероятно, побуждаемые к решительным мерам представителями византийской диаспоры Киева. Под словами «уйти в Греческую землю» нужно понимать переход к днепровскому устью до Олешья и далее морем в Тмутаракань или в византийский Крым. Донецко-Сеймская магистраль оказалась уже перерезанной степняками, поэтому именно такой «северо-причерноморский» маршрут, только в обратном направлении, из Тамани вдоль сравнительно безопасного юго-западного крымского побережья к Олешью и далее вверх по Днепру до Киева, избрал Никон Печерский⁶¹.

Ввиду отсутствия летописных данных доподлинно не известно даже о неосуществлении⁶² необычного намерения киевских жителей. Хотя Святославу и Всеволоду, очевидно, удалось «успокоить киевлян», репрессии, последовавшие накануне вступления в столицу старшего Ярославича подтверждают обоснованность беспокойства определенных кругов киевского населения, всерьез намеревавшихся избежать расправы путем эмиграции. Например, так поступил якобы сочувствовавший Всеволоду Брячиславичу⁶³ игумен Киево-Печерской обители Антоний, бежавший к Святославу Ярославичу в Чернигов⁶⁴.

Уход торгово-ремесленного населения столицы Руси и пришлых ромейских купцов на Северо-Причерноморские территории Византии был вполне допустим, во всяком случае, опасения горожан оказались небезосновательны: Изяслав не только вошел в замиренный Киев, сурово расправился с мятежниками, упразднил старое торжище, но и отдал пригороды столицы во власть

Польшу // Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского // Полное собрание русских летописей. Т. XLIII. М., 2004. С. 57.

⁶¹ Житие преподобного отца нашего Феодосия, игумена Печерского. С. 419; *Мавродин В.В.* Очерки по истории левобережной Украины. С. 206; *Приселков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси. С. 117; *Приселков М.Д.* История русского летописания. С. 59; *Шахматов А.А.* Разыскания о русских летописях. С. 311-312.

⁶² Повесть временных лет. С. 75, 213; Ипатьевская летопись. С. 114; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 191.

⁶³ Густынская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XL. СПб., 2003. С. 57-58.

⁶⁴ О преподобном Исааки Пещернике. Слово 36 // Киево-Печерский патерик. С. 386-387, 679.

польских наемников. Словом, «византийская» угроза киевлян – не столько жест отчаяния, сколько вполне продуманный и реальный ход. Лишь уверения Святослава и Всеволода Ярославичей остановили массовый исход населения, и то, вероятно, не всего. Уже при вступлении Изяслава I в Киев или даже несколькими днями ранее произошел пожар Подола, то ли вызванный бесчинствами польских войск, то ли организованный самими горожанами. Часть из них могла осознавать себя обманутой, после того как великий князь, легализовав репрессии и погромы, нарушил договоренности младших братьев с жителями столицы. В то же время, по-видимому, не случайно Византия упоминается в качестве ближайшей для Руси страны: несмотря ни на какие осложнения, отношения с империей оставались достаточно прочными, а сама она рассматривалась как некий «союзный» центр и место убежища.

Параграф 3.5. «Вопрос о союзничестве Святослава II и Михаила VII» посвящен разбору информации В.Н. Татищева о якобы отправленной великим князем Святославом Ярославичем экспедиции против Херсона, восставшего против византийской власти.

Не встречаемое в русских летописях или в византийских источниках, сообщение «Истории Российской», если признать его заслуживающим доверия, знаменует собой последнюю попытку оказать военную помощь, казалось, гибнущей империи. Однако данные сведения, скорее, легендарные, чем реальные, тем не менее, нуждаются в некотором комментарии и разъяснении уже хотя бы в силу того, что они нередко рассматриваются в качестве прямого подтверждения чуть ли не доминирования Руси через тмутараканскую факторию в Северном Причерноморье.

Необходимо отметить, что ранее достоверность татищевского известия признавалась одними (В.Г. Васильевский⁶⁵, А.Л. Яковсон⁶⁶, А.В. Гадло⁶⁷, И.В. Соколова⁶⁸), оспаривалась другими (М.Д. Приселков⁶⁹, М.В. Левченко⁷⁰, Д.В. Каштанов⁷¹); сегодня полемика развернулась между М.Б. Свердловым⁷² и С.Н. Азбелевым⁷³.

⁶⁵ *Васильевский В.Г.* Два письма императора Михаила VII Дуки // Избранные труды по истории Византии. Кн. 1. С. 446-450. Мы не станем останавливаться на полемике вокруг адресатов письма (Всеволод Ярославич или Роберт Гвискар), чему, собственно, и посвятил данную статью В.Г. Васильевский. Подр. об этом см. *Левченко М.В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. С. 407-418; *Зимин А.А., Курбатов Г.Л.* Рец. на: М.В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений // Византийский временник. Т. XII (37). 1957. С. 281; *Кузенков П.В.* Византийско-русские связи при Михаиле VII Дуке в научном наследии В.Г. Васильевского // Российское византиноведение: традиции и перспективы. Тезисы докладов XIX Всероссийской научной сессии византинистов. М., 2011. С. 135-138.

⁶⁶ *Яковсон А.Л.* Средневековый Херсонес. С. 22-23.

⁶⁷ *Гадло А.В.* Тмутараканские этюды. V. Олег Святославич // Вестник Ленинградского университета. Серия 2. История. Языковедение. Литературоведение. Апрель 1991. Вып. 2 (№ 9). С. 3-4.

⁶⁸ *Соколова И.В.* Администрация Херсона. С. 209-210.

⁶⁹ *Приселков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси. С. 77-79.

⁷⁰ *Левченко М.В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. С. 411-413.

Согласно «Истории Российской», в 1076 г. василевс Михаил VII обратился к великому киевскому князю Святославу II с просьбой о вооруженной поддержке против болгар и мятежного Херсона. Посоветовавшись с братом Всеволодом Переяславским, Святослав Ярославич откликнулся на запрос Константинополя и направил в Крым сына Глеба и племянника Владимира Мономаха, а сам намеревался выступить к Дунаю. Однако смерть великого князя зимой того же года⁷⁴, а затем и свержение императора Михаила весной 1078 г.⁷⁵ изменили планы обеих сторон и преемник Святослава II Всеволод Ярославич «*войско все разпустил в дома и сына Владимира из Корсуня возвратил*»⁷⁶. Как следует из материалов В.Н. Татищева русская экспедиция в Таврику завершилась не просто успехом, т.е. подавлением антиромейского восстания, но захватом Херсонеса.

Впрочем, информацию В.Н. Татищева следует признать недостоверной, в пользу чего свидетельствует тот факт, что Владимир Мономах, тщательно фиксирующий в «*Поучении*» свое участие в многочисленных военных предприятиях, о походе в Крым не упоминает. Больше того, 1076-77 гг. – время, когда могла состояться херсонская экспедиция, – отмечены драматическими событиями как на Руси, так и Византии, делавшими подобное мероприятие невозможным. Кончина Святослава Ярославича (декабрь 1076), возвращение на Русь во главе польских наемников Изяслава I и его сделка с братом Всеволодом (1077), а также сразу два мятежа – Никифора Вриенния на Балканах и Никифора Вотаниата в Малой Азии – против правительства Михаила VII не только не благоприятствовали какой-либо серьезной и продуманной высадке в Крыму, но и полностью лишали ее смысла.

В параграфе 3.6. «Вопрос о союзничестве Алексея Комнина и Олега Святославича» речь идет о «таманском» периоде жизни сына великого князя Святослава II Олега «Гориславича», а также его взаимоотношениях с императором Алексеем I Комнином, завершившихся слиянием Приазовья с крымскими владениями Византии.

⁷¹ Каиштанов Д.В. К критике известий об угрозах Херсону в последней четверти XI века («Татищевское известие» о походе русского войска) // II международный византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис» (Севастополь, 31 мая – 4 июня 2010 г.). Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2010. С. 15-17.

⁷² Свердлов М.Б. Василий Никитич Татищев – автор и редактор «Истории Российской». СПб., 2009. С. 180-185.

⁷³ Азбелев С.Н. Походы русских князей на Херсонес в былинной интерпретации // Средневековая Русь. 2007. Вып. VII / Отв. ред. А.А. Горский. С. 56-70; Азбелев С.Н. В защиту труда Василия Никитича Татищева // Сборник Русского исторического общества. 2011. Т. XI (159): Правда истории / Сост. и отв. ред. И.А. Настенко. С. 316-324.

⁷⁴ Повесть временных лет. С. 85, 223.

⁷⁵ Исторические записки Никифора Вриенния (976-1087) / Отв. ред. А.А. Калинин. М., 1997. С. 133-136; Острогорский Г.А. История византийского государства / Пер. с нем. М.В. Грацианского; ред. П.В. Кузенков. М., 2011. С. 430; Скабаланович Н.А. Византийское государство и церковь в XI веке: От смерти Василия II Болгаробойды до воцарения Алексея I Комнина: В 2 кн. Кн. I / Вступ. ст. Г.Е. Лебедевой. СПб., 2004. С. 242.

⁷⁶ Татищев В.Н. Собрание сочинений: В 8 т. Т. II-III: История Российская. Ч. II. С. 92.

Пребывание Олега Святославича в Тмутаракани, «византийский след» в его аресте⁷⁷, модель отношений князя с Константинополем давно вызывают интерес у исследователей, что обуславливает обширность историографии⁷⁸. Отдельная проблема связана с аннексией Приазовья Алексеем Комнином на рубеже XI – XII столетий, чему особое внимание уделили Г.Г. Литаврин⁷⁹ и другие специалисты по истории ромейского Крыма и Таманского полуострова⁸⁰. За вычетом некоторых вспомогательных фактов⁸¹ византийские данные о судьбе «Гориславича» и ситуации в Тмутаракани 1070-90-х гг. отсутствуют, и кроме довольно скурых сведений русских летописей и иных письменных памятников⁸², на характер контактов Олега и Константинополя проливает свет археологический⁸³ и сфрагистический⁸⁴ материал.

В 1078 г. проигравший борьбу за вотчинный Чернигов, Олег Святославич оказался в Тмутаракани, где в 1079 г. был арестован местными «хазарами», выдан представителям византийской администрации в Крыму и отправлен в Константинополь, а затем на о. Родос. Надо полагать, что активность изгоя-Святославича беспокоила не только Киев, но и Константинополь, поэтому через своих агентов великий киевский князь Всеволод I – дядя Олега – устранил беспокойного племянника по соглашению с василевсом Никифором III Вотаниатом.

На Родосе «Гориславич» пробыл недолго: вскоре после падения слабого правительства Никифора III (апрель 1081 г.) Олег Святославич был возвращен в Константинополь, очевидно, по

⁷⁷ Будовниц И.У. Владимир Мономах и его военная доктрина // Исторические записки. 1947. Т. XXII. С. 65-74; Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. С. 419-422.

⁷⁸ Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа. С. 106-120; Гадло А.В. Предыстория Приазовской Руси. С. 282-290; Голубовский П.В. История Северной земли. С. 98-111; Мавродин В.В. Очерки по истории левобережной Украины. С. 236-240; Приселков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси. С. 289-290; Цветков С.Э. Древняя Русь. Эпоха междоусобиц. С. 88-99.

⁷⁹ Литаврин Г.Г. Неизвестное свидетельство о Боспоре Киммерийском во времена Алексея I Комнина // Тезисы докладов VII Всесоюзной конференции византистов. Тбилиси, 1965. С. 20-23; Литаврин Г.Г. Новые сведения о Северном Причерноморье (XII век) // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. Сборник статей, посвященный Л.В. Черепнину. М., 1972. С. 235-242; Литаврин Г.Г. Русь и Византия в XII веке // Вопросы истории. 1972. № 7. С. 36-52; Литаврин Г.Г. Особенности русско-византийских отношений в XII веке // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII – XIV веков / Под ред. акад. Б.А. Рыбакова. М., 1974. С. 208-212; Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь. С. 281-291.

⁸⁰ Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды: Краткий исторический очерк. Киев, 2001. С. 168-169; Степаненко В.П. К истории средневековой Таврики. С. 132-134; Степаненко В.П. К статусу Тмутаракани. С. 257-261; Чхаидзе В.Н. Тмутаракань. С. 152-159; Чхаидзе В.Н. Тмутаракань – владение Древнерусского государства. С. 29-32; Якобсон А.Л. Херсонес и Киевская Русь в XI веке. С. 114-116; Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес. С. 27-29; Якобсон А.Л. Средневековый Крым. С. 79-80.

⁸¹ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 175-176; 273-274; Анна Комнина. Алексиада. С. 334-335.

⁸² «Хождение» игумена Даниила в Святую Землю. С. 11-12.

⁸³ Гадло А.В. Поселение XI – XII веков в дельте Дона // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. 1964. № 99: Средневековая археология. С. 40-45.

⁸⁴ Алексеенко Н.А., Цепков Ю.А. Катепанат в Таврике: легендарные свидетельства или исторические реалии? // Херсонесский сборник. 2012. Вып. XVII. С. 8-10; Алфьоров О.А. Печатка Михаїла, архонта і дуки Матрахи та всієї Хазарії. С. 29-30; Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси. Т. I. С. 25-29; Schlumberger G. Sigillographie de l'Empire Byzantine. S. 432-433.

распоряжению нового императора Алексея I Комнина, намеревавшегося использовать опального князя в своих интересах. «Амнистия» Олега означала расторжение прежних договоренностей Никифора Вотаниата и Всеволода Ярославича и в известной степени провоцировала междоусобицы на Руси: в 1083 г. Олег неожиданно прибыл в Приазовье и сходу занял Тмутаракань.

Успех Олега Святославича на Тамани и потенциальная реализация его прав на Руси означал для «Гориславича» значительную зависимость от Византии. Водворение в Тмутаракани ромейского ставленника являлось чуть ли не равнозначным передачи таманской фактории Константинополю – до такой степени империя укрепила военно-политические позиции в Приазовье, обладавшим существенным хозяйственным потенциалом. «Пакт» с Олегом Святославичем открывал для ромеев новые перспективы в освоении сырьевых запасов Приазовья, а чрезвычайные выгоды от овладения Таманью с лихвой компенсировали вероятное осложнение в отношениях с Русью⁸⁵. Давние соглашения, гарантировавшие *status quo* в византийско-русском пограничье, отошли на второй план: в 1080-90-е гг. курс империи в Северном Причерноморье определялся стремлением к контролю над источниками нефти – основного компонента «греческого огня»⁸⁶, – и к налаживанию регулярных поставок высокосортной и дешевой рыбы, занимавшей важное место в рационе константинопольцев⁸⁷. Ценность приазовской нефти и морепродуктов особенно возросла с утратой империей старых месторождений в Северной Сирии и на Кавказе⁸⁸ и с захватом сельджуками большей части хлебобордных районов Малой Азии. Конечно, не стоит преувеличивать значение Приазовья для всей до крайности ослабленной империи, но локально, в снабжении и обороне Константинополя – прифронтовой полосы в критические 1080-90-е гг. – ресурсам северо-восточного Черноморья принадлежала далеко не последняя роль.

Превратив «Гориславича» из «политического трупа» в «наместника Таматархи», Алексей I допустил явно недружественный жест в отношении ближайшего к империи клана Всеволода I – Владимира Мономаха. Выбор, однако, предопределила сама жизнь: утрата ключевых

⁸⁵ Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь. С. 289.

⁸⁶ The Oxford Dictionary of Byzantium: In 3 vol. / Ed. in chief A.P. Kazhdan. Vol. II. New York; Oxford, 1991. P. 873; Банников А.В., Морозов М.А. Византийская армия (IV – XII века). СПб., 2013. С. 394-395; Науменко В.Е. О Боспорской нефти Константина VII Багрянородного как военно-экономическом факторе византийской политики в Северном Причерноморье в X – XI веках // Восточная Европа в древности и средневековье: Экономические основы формирования государства в древности и средневековье. XXV чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто и памяти члена-корреспондента АН СССР А.П. Новосельцева. Материалы конференции. М., 2013. С. 206-208.

⁸⁷ Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь. С. 289; Литаврин Г.Г. Византия и славяне. С. 500-501.

⁸⁸ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 273-274, 457; Laiou A.E., Morrisson C. The Byzantine Economy. Cambridge, 2007. P. 84.

ресурсопоставляющих провинций и резкое увеличение значения привозных товаров с Понта⁸⁹ привели к тому, что Византия пренебрегла кондоминатным статусом Тамани и через свою креатуру – Олега Святославича – добилась в Приазовье господствующего положения, несовместимого с прежними договоренностями с Русью.

В 1094 г. Олег Святославич во главе половцких наемников вернулся на Русь для возобновления войны за Чернигов со своим двоюродным братом Владимиром Мономахом. С уходом «Гориславича» Тмутаракань исчезла со страниц русских летописей, а ромейское доминирование на Тамани стало решающим, и Русь уже не смогла отыграть потерянную факторию. Особый статус Олега как зависимого от империи властителя сохранялся на протяжении всего одиннадцатилетнего пребывания «Гориславича» в Тмутаракани, вплоть до ее «тихой» аннексии Византией.

Империя установила протекторат над Приазовьем сразу по водворении Олега Святославича на Тамани, что хорошо иллюстрируют легенды свинцовых печатей, принадлежавших «Гориславичу». Известный моливдовул из Судака «*Господи, помози Михаилу, архонту Матрахи, Зихии и всей Хазарии*»⁹⁰ традиционно приписывают Олегу, чье христианское имя – Михаил⁹¹. Будучи вассалом Византии, «Гориславич» нарекался архонтом, что свидетельствует о более высоком ранге новообразованной ромейской провинции в Приазовье, поскольку к моменту появления печати Олега-Михаила архонты как провинциальные чиновники империи исчезли, и в употреблении данное наименование осталось в основном за византийскими союзниками и федератами⁹². Ромейское «звание» Олега подчеркивало двойственность состояния Тмутаракани, которая находилась под ощутимым влиянием Константинополя, но сохраняла власть князя, официально признавшего византийский статус⁹³. Большинство из доступных на сегодня девяти моливдовулов Олега-Михаила, в которых он обозначен как «архонт Матрахи, Зихии и всей Хазарии», происходят с территории Керчи, Судака или Таманского полуострова⁹⁴. Данный факт вновь заставляет думать, что низовья Кубани и Восточный Крым (т.н. «Хазария») входили в состав

⁸⁹ Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь. С. 295.

⁹⁰ Чхаидзе В.Н. Тмутаракань. С. 156-157; Янин В.Л. Печати Феофано Музалон. С. 83-84; Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси. Т. I. С. 26-27.

⁹¹ Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 34.

⁹² Каждан А.П. Византийский податной сборщик на берегах Киммерийского Боспора в конце XII века // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сборник статей к 70-летию акад. М.Н. Тихомирова. М., 1963. С. 95; Степанова Е.В. Печати из Судака. С. 543.

⁹³ Степаненко В.П. К статусу Тмутаракани. С. 257, 261.

⁹⁴ Науменко В.Е. Таврика в системе русско-византийских отношений середины X – начала XI веков (историко-археологический комментарий) // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Сборник научных трудов / Под ред. Н.А. Алексеенко. Севастополь, 2013. С. 191.

вверенной «Гориславичу» архонтии – окраинной области, зависимой от Византии, но формально не принадлежавшей ей.

Автономное существование Олега Святославича в определенный момент изменилось, о чем сообщает текст другой печати: «*Господи, помоги своему рабу Михаилу, архонту и дуке Таматархи и всей Хазарии*»⁹⁵. Очевидно, моливдовул зафиксировал административное слияние Тамани и Восточного Крыма (вплоть до Херсона?) под началом Олега-Михаила, титул которого передает переходный статус владельца от пограничного властителя к византийскому функционеру⁹⁶. Вероятно, в знак лояльности «Гориславича» и ради укрепления дружественных отношений с ним Константинополь предоставил князю почетное наименование дуки. Речь шла не о фактической должности, подразумевавшей определенные обязанности и подчинение центру, а именно о титуле, который хотя и выделял Олега среди других русских князей, но подчеркивал его статус вассала империи, управлявшего личным уделом, собственной территорией от имени василевса. По-видимому, Олег Святославич не исполнял непосредственно должность дуки, а лишь обладал почетным титулом, в противном случае «Гориславич» совмещал бы властвование в Тмутаракани с командованием византийскими войсками в «Хазарии». Коль скоро Константинополь сохранял таманскую автономию вплоть до оставления «Гориславичем» Приазовья в 1094 г., то Олег не являлся функционером, полностью интегрированным в ромейскую военно-бюрократическую систему.

Таким образом, обе печати «архонта Михаила» отразили произошедшее уже около 1083 г. объединение обеих берегов Керченского пролива под властью полунезависимого ставленника Константинополя. Больше того, когда в 1094 г. Олег как *архонт* и *дука* ушел, на его место с вероятным понижением статуса был назначен какой-нибудь ромейский чиновник из столицы: реальный контроль над Приазовьем «Гориславич» утратил уже в 1094 г., тогда как формально это могло произойти много позднее, скажем, после кончины князя в 1115 г.

Невмешательство Олега Святославича в дела Руси, отказ от попыток отвоевать Чернигов между 1083-94 гг., представляют собой разительный контраст с его поведением в 1078-79 гг., что, пожалуй, обусловлено не только позицией Византии, характером ее отношений с Киевом, но и вытекало из положения «Гориславича», навязанного ему империей⁹⁷. Не исключено, что Алексей Комнин сдерживал рвавшегося на Русь Олега Святославича, выступая в роли некоего посредника

⁹⁵ Алфьоров О.А. Печатка Михаїла, архонта і дуки Матрахи та всієї Хазарії. С. 29.

⁹⁶ Степаненко В.П. Архонт и дука Тмутаракани в конце XI века // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Сб. научных трудов / Под ред. Н.А. Алексеенко. Севастополь, 2013. С. 163.

⁹⁷ Степаненко В.П. К статусу Тмутаракани. С. 259-260.

между племянником и дядей⁹⁸. Впрочем, империи было разумнее направить энергию Олега в безопасное для себя русло, т.е. исподволь поощрять реваншистские намерения «Гориславича». Как только внешне- и внутривосточное положение Византии стабилизировалось, она немедленно и, вероятно, еще по договоренности 1083 г., поддержала Олега Святославича в желании вернуться на Русь. В то же время Олег за период правления в Тмутаракани укрепился насколько⁹⁹, что сумел бросить вызов Владимиру Мономаху: спустя год со смерти Всеволода I «Гориславич» благодаря половецким наемникам занял отчий Чернигов, принудив Владимира Всеволодовича перейти в Переяславль.

Четвертая глава «Византийско-русский конфликт в Подунавье в 1116 г.: предыстория, сущность и последствия» разбирает противоречивые отношения черниговского, пряславльского, а затем и великого киевского князя Владимира Мономаха и василевса Алексея I, значительно повлиявшие на военно-политические связи Византии и Руси на рубеже XI – XII столетий.

На страницах русских летописей и византийских исторических сочинений, посвященных событиям конца XI – начала XII веков, присутствуют два малоизвестных персонажа – то ли самозванец, то ли чудом спасшийся и бежавший из империи сын василевса Романа IV Диогена Лев («Девгениевич» – «Диогенович») и некий «царевич Леон». Нельзя сказать что-либо определенное об этих людях, оказавшихся в гуще драматических перипетий на периферии «Византийского содружества», однако ясно одно: оба стали «живым знаменем» мятежа и военных вторжений в Подунавье 1095 и 1116 гг., направленных против комниновского правительства, против новой династии Алексея I.

Наиболее обстоятельно данным вопросом занимался В.Г. Васильевский¹⁰⁰ и впоследствии его аргументация была неоднократно повторена и пересказана¹⁰¹, а также М.В. Левченко¹⁰². Среди работ последних десятилетий необходимо назвать труды А.А. Горского¹⁰³, И.О. Князького¹⁰⁴ и Г.Г. Литаврина¹⁰⁵: они затрагивают проблемы, относящиеся преимущественно к событиям 1116 г.

⁹⁸ Цветков С.Э. Древняя Русь. Эпоха междоусобиц. С. 99.

⁹⁹ Будовниц И.У. Владимир Мономах и его военная доктрина. С. 67.

¹⁰⁰ Васильевский В.Г. Два письма императора Михаила VII Дуки. С. 446-472.

¹⁰¹ Будовниц И.У. Владимир Мономах и его военная доктрина. С. 72-98; Паулюто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 187; Цветков С.Э. Древняя Русь. Эпоха междоусобиц. С. 177-187; Mathieu M. Les faux Diogenes // Byzantion. 1952. № 22. Р. 133-148.

¹⁰² Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. С. 335-336, 477-478.

¹⁰³ Горский А.А. Русско-византийские отношения при Владимире Мономахе и русское летописание // Исторические записки. 1987. Т. 115 / Отв. ред. акад. А.М. Самсонов. С. 308-328; Горский А.А. Забытая война Мономаха: русско-византийский конфликт 1116 г. // Родина. 2002. № 11-12. С. 98-100.

¹⁰⁴ Князький И.О. Византия и кочевники южнорусских степей. СПб., 2003. С. 103-111.

¹⁰⁵ Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь. С. 292-299.

Вместе с тем сюжет остается «недоисследованным»: если личности «Диогеновича» и «царевича Леона», вероятно, никогда не будут точно установлены, то сам факт повстанчества и антивизантийских экспедиций авантюристов, получивших поддержку извне, не подвергается сомнению. Однако вооруженные конфликты 1095 и 1116 гг. словно повисают в воздухе, их надлежит рассматривать только в сопряжении с международной жизнью, с характером византийско-русских контактов того времени. Следовательно, представляется важным пристальнее взглянуть в доступные показания источников и рассмотреть эти данные в историко-контекстуальном преломлении.

Подчеркнем, если первый эпизод – вторжение на Балканы половцев, среди которых находился самозванец «Девгеневи́ч», – никак не касается противостояния Комнина и Мономаха, но имеет косвенное отношение к сфере военно-политических контактов Византии и Руси, то второе событие – русско-византийское столкновение в Подунавье, начавшееся именем «царевича Леона», – кульминация данного противостояния. Хотя эти два вооруженных конфликта едва ли связаны друг с другом (равно как и «Девгеневи́ч» с «царевичем Леоном»), тем не менее, они нередко объединяются под одной рубрикой: «Диогенови́ч и столкновения на Нижнем Дунае».

В летописях под 1095 г. содержится на первый взгляд заурядное сообщение: *«идоша половци на Гръкы съ Девгеневи́чемь, воеваша по Гречьстей земли, и царь [Алексей I – А. С.] я Девъгени́ча, и повеле и слепити»*¹⁰⁶. Данный эпизод известен не только по русским источникам: подробности оказавшегося неудачным половецкого набега и сопутствующих событий предоставляет, в частности, «Алексиада» Анны Комниной¹⁰⁷. Вместе с тем речь идет не об обыденном половецком набеге в условиях нестабильного положения Византии: в походе участвовал некий член фамилии Диогенов – одного из старых родов землевладельческой аристократии, отстраненного от власти Комнинами.

Согласно русским известиям (византийских данных мы не встретим) летом 1116 г. «*Леон царевич*», зять Владимира Мономаха, совершил дерзкий рейд по городам северо-запада Подунавья, но был убит в Доростоле (Силистра) агентами императора¹⁰⁸. Отправленные на выручку отряду Леона воеводы Мономаха Иван Войтишич и Фома Ратиборич, а также сын великого князя

¹⁰⁶ Повесть временных лет. С. 95, 233.

¹⁰⁷ Анна Комнина. Алексиада. С. 270-274.

¹⁰⁸ Повесть временных лет. С. 129, 267-268.

Вячеслав Владимирович попробовали закрепиться на левом берегу Дуная и в его дельте¹⁰⁹, но византийцы оперативно приняли контрмеры, восстановившие *status quo*.

Летопись не дает прямых указаний на то, что «царевич Леон» 1116 г. – член семьи Диогенов, тогда как под 1095 г. – скупая характеристика: только «Девгеневи́ч». Значит, ставшее само собой разумеющимся утверждение, что «царевич Леон» тождественен Льву Диогену (действительному или мнимому), в сущности, умозрительно. Оно основано лишь на факте участия в половецком набеге на Балканы 1095 г. некоего «Девгеневи́ча», который, в свою очередь, совпадает с самозванцем Лжелъвом из «Алексиады». Иными словами, при имени «Девгеневи́ч» возникает лишь одна ассоциация – Лев, «царевич Леон», т.е. вместе – Лев Диоген – реальный или самозванный сын Романа IV, зять великого князя Владимира. Следовательно, «царевич Леон» – неизвестный по имени и происхождению самозванец, либо представитель некоего знатного рода, выдававший себя за отпрыска императорской фамилии, либо дальний родственник одного из некогда правивших василевсов. Будучи завербован Владимиром Мономахом, «царевич Леон» явился проводником интересов великого князя в Паристорионе.

Смена вектора внешней политики Руси, когда впервые со времен Святослава Игоревича стало преобладать дунайское, а не крымско-таманское направление¹¹⁰, очевидно, продиктована двумя обстоятельствами. Во-первых, уплотнением половецкого барьера, и, во-вторых, потерей контроля над таманской факторией. Желание закрепиться на Дунае с помощью некоего представителя (не столь важно, действительного или мнимого) оппозиционной Комнинам семьи, явилось закономерной реакцией, ответной мерой Киева на утрату Тмутаракани¹¹¹ и фактическую поддержку ромеями Олега Святославича против Владимира Мономаха в 1094 г.

Безусловно, неизвестно насколько болезненно Владимир Всеволодович воспринял (и воспринял ли вообще) потерю Приазовья, но общий антирусский, вернее, «антимономаховский» курс Константинополя он уловил, и вскоре после вокняжения в Киеве воспользовался услугами некоего «царевича Леона» и ударил по Византии в Нижнем Подунавье. Владимир II навряд ли преследовал цель долговременного овладения данным регионом или тем более смещения императора Алексея: Мономах, в сущности, вернулся к старой (IX – X веков) модели отношений с Константинополем, действовавшей по принципу «силовой нажим ради уступок». Владимир Всеволодович, стремился, скорее, к достижению нового экономического соглашения с империей,

¹⁰⁹ Горский А.А. Русско-византийские отношения при Владимире Мономахе. С. 310.

¹¹⁰ Там же. С. 309.

¹¹¹ Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь. С. 292; Литаврин Г.Г. Особенности русско-византийских отношений. С. 208-209.

укреплению родового престижа (через брачные узы с Комниновским домом) и, как максимум, к приобретению прочного и безопасного выхода к устью Дуная и византийской границе. В этом смысле красноречиво молчание о событиях 1116 г. в Паристрионе византийских источников: ромеев не заинтересовало вполне обыденное столкновение на далекой дунайской периферии, что едва ли произошло, предпринял Владимир II нечто серьезное и сопряженное с претензиями на «императорское наследство». Именно потому, что ни Киев, ни Константинополь не принимали участия в боевых действиях напрямую, а только ограниченными силами и вдали от своих основных территорий, «полуоткрытая» война не вызвала серьезного и длительного ухудшения отношений важнейших участников «Византийского содружества». В ходе пограничного конфликта 1116 г. Владимир Мономах оценил стабилизацию внутри- и внешнеполитического положения империи, что обусловило не только его примирение с Алексеем Комнином, но и породнение двух династий. В 1122 г. внучка Владимира Всеволодовича Евпраксия Мстиславна вышла замуж за сына нового василевса Иоанна II Алексея Комнина¹¹² или его младшего брата Андроника¹¹³.

Заключение содержит следующие выводы.

Укрепление Руси в Приазовье в первой четверти XI века существенно изменило расклад сил в регионе: погруженная во внутренние проблемы и внешнеполитические неурядицы Византия была заинтересована в сохранении *status quo*. В то же время этнически пестрая община Тмутаракани, удаленная от основного массива русских владений и тяготившаяся зависимым положением от Киева, стремилась к упрочению собственных позиций.

Этот процесс стал особенно заметен в годы правления на Тамани Мстислава Владимировича Храброго, сына крестителя Руси. Будучи вполне самостоятельным от Киева, Мстислав распространил влияние далеко за пределы своего удела – на Восточный Крым и Прикубанье, причем оба региона непосредственно примыкали к византийским владениям в стратегически важных районах Черноморья – Херсонской области, Абхазии и Иверии. Помощь императору Василию II в подавлении антивизантийского восстания Георгия Цуло в Крыму (1016), затем победы над адыгами (1022) и великим князем Ярославом Мудрым (1023-24) и, наконец, овладение Черниговом (1026) сделали Мстислава Храброго ключевой фигурой в Приазовье и Восточном Причерноморье, с которой не могли не считаться и которая не могла не беспокоить как

¹¹² Лопарев Х.М. Брак Мстиславны (1122) // Византийский временник. 1902. Т. IX. Вып. 3-4. С. 445; Пападимитриу С.Д. Брак русской княжны Мстиславны Добродеи с греческим царевичем Алексеем Комнином // Византийский временник. 1904. Т. XI. Вып. 1-2. С. 90-91.

¹¹³ Вернадский Г.В. История России. Т. II. С. 373; Паушто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 187.

Киев, так и Константинополь. Со смертью могущественного князя Тмутаракань почти на три десятилетия ушла в тень, а ее влияние резко уменьшилось.

Дальнейшую историю русско-византийских контактов в Приазовье удастся проследить лишь со второй половины XI столетия. В условиях политической дезинтеграции Руси после кончины Ярослава Мудрого (1054), складывания новых (наряду с Киевом) крупных центров силы, отношения с Константинополем перестали носить единый и целенаправленный характер. Военно-политическое взаимодействие приобрело более «индивидуальную», личностную направленность: мы можем выявить связь конкретных императора и удельного князя. Так, важнейшим партнером Византии стал Чернигов, поскольку их интересы пересекались на Тамани. Черниговские князья, во владении которых формально находилась Тмутаракань, стремились упрочить контроль над богатой факторией, ставшей к тому моменту прибежищем младших князей-изгоев. Одновременно Константинополь имел достаточные основания опасаться нового усиления самостоятельной таманской общины, во главе которой нередко оказывались энергичные князья, не обретшие собственный удел на Руси и поэтому потенциально угрожавшие ромейским территориям в Крыму. Византия нашла в Чернигове надежного союзника в деле сохранения силового баланса в Северном Причерноморье. По согласованию с черниговскими князьями (а иногда и с Киевом) империя, по меньшей мере, дважды устраняла неугодных обоим партнерам тмутараканских правителей: в 1066 г. на Тамани был отравлен Ростислав Владимирович, враждовавший с дядей, черниговским князем Святославом Ярославичем, а в 1079 г. подвергся аресту и ссылке в Византию Олег Святославич – противник великого князя Всеволода Ярославича и Владимира Мономаха.

Эти два события, отстоящие друг от друга более чем на десятилетие, явились прологом к «тихой» аннексии империей юго-восточного форпоста Руси в самом конце XI века. В сложнейшей обстановке, вынужденный сражаться сразу на трех фронтах, Константинополь пошел на присоединение богатыми ресурсами Приазовья. Поглощение Византией Тмутаракани ускорил половецкий барьер¹¹⁴: он нарушал традиционные коммуникации в северопричерноморские степях и затруднял поддержку таманской фактории из Руси. Тмутаракань давно пребывала в орбите ромейской политики, но лишь Алексей I Комнин превратил Приазовье из русско-византийского совладения, контактной зоны в регион, где Византии принадлежал «решающий голос». Империя отозвала из опалы Олега Святославича и оказала ему помощь в овладении Таманью (1083), а затем направила энергию «Гориславича» вовне, поощрив планы по отвоеванию у Владимира Мономаха черниговской вотчины. С возвращением Олега на Русь в 1094 г. Тмутаракань исчезла со страниц

¹¹⁴ *Егоров В.Л.* Русь и ее южные соседи // Отечественная история. 1994. № 6. С. 190.

русских летописей, будучи вскоре занята Византией. Для империи, до крайности ослабленной, потерявшей громадные территории, новый передел «сфер влияния» в стратегически важном и взаимноудаленном как от ромейских, так и русских рубежей углу Черного моря был необходим. В то же время Русь, находившаяся в процессе трансформации племенного суперсоюза во главе с Киевом в княжескую полицентричную федерацию, не смогла дать отпор притязаниям Константинополя.

Своеобразным эхом аннексии империей Приазовья и, в особенности, ухудшения отношений Алексея I и Владимира Мономаха стал русско-византийский вооруженный конфликт в Нижнем Подунавье в 1116 г. Заслуживший большой авторитет в победоносных походах против половцев, старейшина среди русских князей бросил скрытый вызов империи и попытался укрепиться в Паристрионе. Несмотря на неудачу, данная экспедиция продемонстрировала возросшую силу Руси и укрепила ее престиж, что выразилось в заключении брака одного из представителей династии Комнинов и внучки Мономаха, а также, вероятно, в новом договоре с ромеями: обоюдная кочевническая угроза способствовала сближению Константинополя и Киева.

Отдельным эпизодом, который несколько выбивается из общей схемы контактов с Византией, но отчасти касается Таманского региона, является угроза населения Киева после восстания 1068 г. уйти в «Греческую землю» (1069). Этот демарш, не кажушийся нереализуемым, показывает достаточную прочность связей с империей¹¹⁵, игравшей роль некоего «союзного» центра и места убежища. Киевлян, недовольных возвращением на великое княжение Изяслава Ярославича, могли принять только ромейский Крым и русская Тмутаракань – «островки безопасности» по соседству с беспокойным кочевническим морем и раздираемой княжескими склоками Русью.

Дунайское столкновение 1116 г. стало исключением в череде мирных лет византийско-русских отношений с 1043 г.: в сущности, после 1116 г. и Киеву, и Константинополю оказалось не до сведения счетов за застарелые внешнеполитические обиды. Византию и Русь объединяла половецкая опасность, с которой ромеи в одиночку не справлялись. Хотя контакты с Византией не прервались, а в некоторых областях (церковно-культурной или брачно-семейной) даже укрепились, погруженная во внутренние конфликты Русь, потерявшая Тамань и отрезанная половцами от Северного Причерноморья, более не представляла для империи какой-либо военной угрозы, равно как и утратила возможность поддерживать ромеев вооруженными силами.

¹¹⁵ Терновский Ф.А. Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение в Древней Руси. Вып. II. Киев, 1876. С. 5.

Константинополю приходилось выстраивать отношения по отдельности с каждым из крупных русских княжеств, важнейшим из которых был Галич – единственный, имевший общую границу (правда, нестабильную) с Византией в устье Дуная.

Таким образом, 1110-е гг. ознаменовали наступление нового этапа отношений Византии и Руси: трансформация торгово-экономических и военно-политических контактов, нередко сопровождавшихся открытой конфронтацией, преимущественно, в культурно-церковные связи. Данные изменения не в последнюю очередь были обусловлены ликвидацией крымско-приазовской зоны взаимодействия. В то же время «на смену общерусским договорам с империей пришли соглашения отдельных княжеств Руси, подчиненные конкретной задаче, непрочные и кратковременные, зависевшие от переменчивой международной и внутривосточной обстановки в обеих странах»¹¹⁶. Хотя в середине XII столетия сотрудничество вооруженных сил Византии и Руси еще сохранялось, но это происходило крайне нерегулярно: интенсивность военно-политических контактов снизилась и уже никогда не достигала прежнего уровня. Международные пути Руси и Византии начали расходиться, а их связи ослабли.

Тезисы, выносимые на защиту:

1. В первой четверти XI века важным военно-политическим партнером Византии стала Тмутаракань, а правитель Приазовья Мстислав Владимирович – ключевым союзником императора Василия II в Восточном Черноморье. Выйдя из-под контроля Киева, таманская община завязала тесные военные и торговые связи с Константинополем, что во многом обеспечило ее значительную самостоятельность в 1010-30-е гг.

2. В середине XI столетия Византия установила особые отношения с черниговскими князьями: интересы Константинополя и Чернигова пересекались в Приазовье, которое нередко становилось прибежищем для не нашедших себе места на Руси князей. Одним из таких изгоев был Ростислав Владимирович, который, оказавшись в Тмутаракани, нарушил баланс сил в Приазовье: Ростислав не только конфликтовал с правившими на Руси братьями Ярославичами и, в частности, со Святославом Черниговским, но и вызвал тревогу ромеев тем, что в какой-то степени угрожал их владениям в Крыму. Данная ситуация разрешилась неожиданным образом: в 1066 г. в Тмутаракани катепан Херсона отравил Ростислава Владимировича по заданию византийских властей, по-видимому, скоординировавших свои действия с Черниговом.

¹¹⁶ *Литаверин Г.Г.* Особенности русско-византийских отношений в XII веке. С. 212.

3. Угроза исхода части торгово-ремесленного населения из Киева в «Греческую землю» в 1069 г. – не пустой и иррациональный демарш, а вполне вероятное развитие событий в условиях возвращения на великое княжение Изяслава I Ярославича, свергнутого киевлянами годом ранее. Тогдашняя международная обстановка указывает на Крым и Приазовье как на район потенциальной эмиграции жителей столицы Руси, что явилось следствием союзнических отношений с Византией. Воспринимая империю в качестве дружественной страны, киевляне сравнительно безопасно могли добраться лишь до ближайшего региона империи – Таврики и византийско-русского пограничья в Приазовье.

4. Содержащаяся в «Истории Российской» В.Н. Татищева информация о русской экспедиции в Крым против антивизантийских мятежников в 1077 г. недостоверна прежде всего и постольку, поскольку время, в которое якобы состоялся поход, отмечено драматическими коллизиями и на Руси, и в Византии, делавшими подобное предприятие нереальным.

5. В 1083 г. василевс Алексей I Комнин стал неявным участником застарелой конфронтации князя-изгоя Олега Святославича («Гориславича») с дядей великим князем Всеволодом I Ярославичем и его сыном Владимиром Мономахом. Константинополь освободил находившегося в византийском плену Олега и снарядил его для отвоевания Тмутаракани, формально подчинявшейся Киеву. Однако Алексей Комнин не только фактически вмешался в междукняжеский конфликт на стороне «Гориславича»: империя способствовала его утверждению на Тамани в качестве автономного ромейского наместника, что после возвращения Олега Святославича на Русь (1094) привело к поглощению Приазовья Византией.

6. «Незаметная» аннексия империей Тмутаракани, а также очевидно недружественные шаги в отношении семейства Всеволода I – Владимира Мономаха получили запоздалый и завуалированный ответ в начале XII века. Владимир Всеволодович давно уловил «антимономаховский» курс Константинополя и вскоре по вокняжении в Киеве воспользовался услугами некоего «царевича Леона» и ударил по Византии в Нижнем Подунавье. В 1116 г. «царевич Леон» – самозванец, выдававший себя за члена какой-то императорской фамилии – с помощью русских и половецких наемников попытался закрепиться на Нижнем Дунае, но был убит ромеями. Несмотря на неудачу, «полуоткрытая» война Владимира Мономаха и Алексея Комнина завершилась примирением обеих династий и их породнением (внучка Владимира II вышла замуж за внука Алексея I).

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. *Слядзь А.Н.* Святослав II – союзник Михаила VII? (к вопросу о достоверности одного эпизода «Истории Российской» В.Н. Татищева) // Известия Уральского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки». 2014. № 2 (1 п.л.);
2. *Слядзь А.Н.* Уход киевлян в Византию в 1069 г.: маневр или реальная угроза? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2014. Вып. 3 (0.75 п.л.);
3. *Слядзь А.Н.* Предыстория византийской аннексии Приазовья: князь-изгой Ростислав Тмутараканский // Проблемы истории, филологии и культуры. 2015. № 2 (1 п.л.).

В других изданиях:

4. *Слядзь А.Н.* Византия и Русь: опыт военно-политического взаимодействия в Крыму и Приазовье (XI – начало XII в.). М.; СПб.: Евразия, ИД Клио, 2014 (11 п.л.);
5. *Слядзь А.Н.* Византийско-русский конфликт в Паристрионе: Владимир Мономах против Алексея Комнина? // Ладога в контексте истории и археологии Северной Евразии. СПб.: Нестор-История, 2014 (1.5 п.л.);
6. *Слядзь А.Н.* Византийско-русские связи в середине 60-х гг. XI века: Константин X и Святослав Ярославич против самостоятельной Тмутаракани // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Тезисы докладов XXXII всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения». СПб.: КультИнформПресс, 2013 (0.5 п.л.);
7. *Слядзь А.Н.* «Византийская» угроза киевлян 1069 г.: историографический и источниковедческий аспект // Сборник, издаваемый студентами Исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Вып. 1. СПб.: КультИнформПресс, 2013 (1 п.л.);
8. *Слядзь А.Н.* Русско-византийские отношения середины XI столетия: Последний поход на Константинополь – попытка «передела сфер влияния»? // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Тезисы докладов XXXI Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения». СПб.: КультИнформПресс, 2012 (0.5 п.л.).